

сколько-нибудь заметной роли в тех драматических событиях политической жизни Чехии, которые пришлось на 40-е – 50-е гг. XV века. Известно, что он дважды совершил путешествие в Константинополь, где познакомился с устройством и особенностями вероучения православной церкви и пытался установить связи с греческим духовенством¹⁸. Однако голос английского гусита ни в Чехии, ни за её пределами уже никогда не звучал так громко и веско, как в годы гуситских войн.

Примечания

- ¹ Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного автором на Всероссийской научной конференции «Проблемы истории Англии в Средние века и Раннее Новое время: экономика, политика, культура», проходившей 23–24 июня 2008 г. в Саратовском университете.
- ² Loserth J. Hus und Wiclif. Zur Genesis der hussitischen Lehre. Wien, 1884.
- ³ Краткие биографические сведения о Петре Пейне содержатся в кн.: Bartoš F.M. Husitství a cizina. Praha, 1931. S. 107–112.
- ⁴ См.: Мортон А.Л. История Англии. М., 1950. С. 115.
- ⁵ Умер Пётр Пейн в 1456 году.
- ⁶ См.: Рандин А.В. Гуситская революция и Пражский университет. Йошкар-Ола, 1994. С. 29
- ⁷ См.: Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. М., 1962. С. 70–71; Kejř J. Právní život v husitské Kutné Hoře. Praha, 1958. S. 27–28.
- ⁸ Там же. С. 185.
- ⁹ См.: Озолин А.И. Бюргерская оппозиция в гуситском движении. Социально-политические требования. Саратов, 1973. С. 78–80.
- ¹⁰ См.: Macek J. Prokop Veliky. Praha, 1953. S. 76–82.
- ¹¹ 7-я статья хебских соглашений, состоявших из 11 пунктов. См.: Macek J. Ktož jsú boží bojovníci. Praha, 1951. S. 240–242.

УДК 94(410.1)

ПРОБЛЕМА «ПОСЛЕДНЕГО ВИЛЛАНСТВА» В АНГЛИИ XVI ВЕКА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

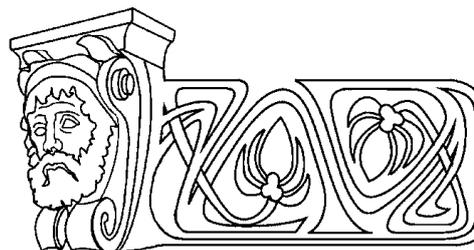
М.В. Винокурова

Институт всеобщей истории РАН, Москва
Отдел западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени
E-mail: vinokurova@mail.ru

В статье рассматривается такой феномен жизни английского манора, открытый в начале XX в. А.Н. Савиным, как проблема «последнего вилланства». Автор ставит и разрешает вопрос о различиях юридического и социально-экономического статуса обычных держателей и «последних вилланов» в XVI в., что вносит определенные коррективы в понимание аграрной специфики Англии в период генезиса капитализма.

Ключевые слова: вилланство, «последнее вилланство», институт копигольда, фригольдеры, земельное держание, манор,

- ¹² Диспут состоялся в декабре 1426 г. в Пражском университете. На нём присутствовали не только университетские магистры, но и представители дворянства и бюргерства во главе с Сигизмундом Корибутовичем. О полемике Петра Пейна и Яна Пршибрама см. подробнее: Рандин А.В. Указ. соч. С. 67–68.
- ¹³ Studie a texty k náboženským dějinám českým. Olomouc, 1915. D. I. S. 478.
- ¹⁴ См.: Мацек Й. Гуситское революционное движение. М., 1954. С. 133–134.
- ¹⁵ Четырём наиболее искусным полемистам гуситской делегации была поручена защита четырёх Пражских статей. На долю Петра Пейна выпало обоснование необходимости секуляризации богатств церкви. О его участии на Базельском соборе см.: Пальмов И.С. Вопрос о чаше в гуситском движении. СПб., 1881. С. 422; Рандин А.В. Указ. соч. С. 89–92; Macek J. Prokop Veliky. S. 158.
- ¹⁶ По выражению советского гуситолога Б.Т. Рубцова, в годы гуситских войн Пейн прошёл «путь от умеренного чашника до революционного таборита». Рубцов Б.Т. Гуситские войны. М., 1955. С. 155.
- ¹⁷ В этой связи очень показательными представляются слова из обращённой к Сигизмунду речи, которую Пётр Пейн произнёс во время братиславских переговоров в апреле 1429 г.: «Взгляни! Когда ты был с Богом, ты побеждал язычников (по-видимому, имеются в виду турки, с которыми Сигизмунд вёл войны, защищая южные рубежи Венгерского королевства. – А.Г.), теперь же, отвернувшись от Бога, терпишь поражения от крестьян. А ведь это, король, вещь удивительная и неслыханная! Не странно ли тебе, что твои войска, гораздо более многочисленные и лучше вооружённые, были столько раз побеждены и разбиты, что они бегут перед малочисленными крестьянскими войсками?» Цит. по: Мацек Й. Табор в гуситском революционном движении: В 2 т. М., 1956. Т. 1. С. 494.
- ¹⁸ Ozolin A.I. Ohlas husitství v některých zemích střední a západní Evropy // Mezinárodní ohlas husitství. Praha, 1958. S. 307.

манориальные описи, манориальный обычай, отработочные и натуральные повинные, денежные ренты, юридический статус.

The Issue of the «Last Villainage» in England of the XVI Century

M.V. Vinokurova

The article studies the phenomenon of the «last villainage», which was discovered by A.N. Savin at the beginning of the XX century. The

author examines the question of differences in the legal and social status of ordinary holders of land and «last villaints» in the XVI c. It introduces certain correction to the understanding of the agrarian peculiarity of England during the period of the capitalism genesis.

Key words: villainage, «last villainge», the institute of copyholder, freeholders, landholding, manor, manorial inventories, manorial tradition, working and natural homage, pecuniary rents, legal status.

Проблема «последнего вилланства», по сути дела, была поднята и отчасти исследована представителями именно *отечественной* историографии (включая автора настоящей статьи). Насколько мне известно, для наших коллег из Англии, занимающихся сюжетами, связанными с английским средневековым манором, данная постановка вопроса звучала в свое время, и не столь уж давно, некоторым откровением. Сошлюсь на свою беседу (в сентябре 2003 г.) с известными специалистами Кристофером Дайером и Кристофером Уикхемом, котоые настолько заинтересовались малоизвестной (а, скорее, неизвестной) для них проблемой «последнего вилланства», что предложили мне написать о ней статью в журнал «Past and Present». И только череда очень сложных для меня обстоятельств не позволила мне сделать этого. Надеюсь отчасти компенсировать свой долг перед английскими коллегами настоящей статьей¹.

Известно, что институт копигольда в Англии пришел на смену вилланству в XIII–XIV вв. в период перехода к денежной форме феодальной ренты и являлся юридическим выражением владельческих прав английского крестьянства; он знаменовал собой переход от домениального к крестьянско-парцеллярному хозяйству. Замена барщины и продуктового оброка денежной рентой (коммутация) стала для подавляющей массы крестьянства фактическим освобождением, уничтожив самую основу их несвободного положения – работу на домене лорда. Что же касается исчезновения личной крепости, то «средний класс вилланов»², т.е. держателей типичной виргаты или чуть более, освобождался от этой крепости на протяжении XIV–XV вв. в основном путем манумиссий (отпуска на волю на основании грамоты, за выкуп) и побегов.

Однако исчез ли окончательно к XVI в. этот наиболее многочисленный и, может быть, наиболее важный в прошлом класс средневекового общества? Говоря об этой эпохе, мы нередко модернизируем ее, подчеркивая лишь то обстоятельство, что английская деревня «была полна копигольдеров», считая даже их наличие чуть ли не анахронизмом и сравнивая их положение с «новыми пришельцами» (арендаторами, фермерами), но никак не с положением «последних вилланов». И остается почти неизвестным, что представляли собой «остатки» этого многочисленного в прошлом класса в XVI в. и чем они отличались от обычных держателей, тоже не пользовавшихся большой свободой своих прав.

Вопросом «последнего вилланства» занимался А.Н. Савин, специально посвятивший ему целую главу в своей работе «Английская деревня в эпоху Тюдоров». Таким образом, именно Александр Николаевич и открыл этот интереснейший феномен жизни английского манора. Но с тех пор (книга, как известно, вышла в 1903 г.) ни в отечественной, ни в зарубежной литературе (о чем – в несколько иной форме – уже упоминалось в начале статьи) данная проблема, то есть проблема «последнего вилланства» (остатков вилланства) в Англии раннего Нового времени, практически не затрагивалась. Между тем ее разработка могла бы вскрыть дополнительные подробности из жизни крестьянского мира этой страны указанного периода и внести определенные нюансы в разработку вопроса о дифференциации крестьянства.

Анализируя количественный состав «последних вилланов» в различных манорах Англии XVI в., А.Н. Савин пишет следующее: «Трудно думать, чтобы в начале эпохи Тюдоров вилланы составляли более 1% всего населения»³. Он считает (и весьма правомерно), что «настоящая статистика населения XVI в. невозможна»⁴, но, к сожалению, не приводит цифр, свидетельствующих о том, какую часть составляли вилланы от населения каждого из изученных им маноров, как не указывает и общую численность этого населения в эпоху Тюдоров. Поэтому соотношение числа вилланских семей с общей численностью людского состава в манорах XVI в. у Савина остается неизвестным. По его данным, среднее количество последних вилланских семейств в типичном маноре XVI в. равнялось 1–3 (лишь в отдельных, очень редких случаях, эта цифра достигала 16–17). Общее же число семейств в маноре, по моим многочисленным наблюдениям (собственным и основанным на литературе), составляло в среднем для XVI в. цифру 30–40 (при площади «типичного», около 2000 акров, манора). Исходя из этого могу предположить, что доля вилланских семей в «общеевропейском» маноре эпохи Тюдоров, по данным Савина, составляла 5–6%.

Отметим, что сведения о «последних вилланах» в манориальных описях различных графств Англии весьма специфичны. Эти описи дают довольно точное представление о составе вилланских семей, причем члены этих семей и в XVI в. продолжают именоваться в них вилланами, бондменами или «нативами». По большей части описи подразделяют вилланов на семьи из двух поколений (три поколения в ту пору нечасто соединялись в одну семью) и перечисляют отцов и детей. Матери не входят в описи по своей бездородности для лорда (они не платили ренты, пребывая в замужнем состоянии). Но в описи вносятся вдовы, если они держат землю «на праве вдовы» (т.е. являются самостоятельными держателями до нового замужества), а также крепостные женщины, вышедшие замуж за свободных.

На основании работы с манориальными описями по Юго-Западной Англии⁵ выяснилось,

что в этом регионе в XVI в. также сохранялись семьи «последних вилланов». Опись владений графов Пемброков за 1566–1567 гг. фиксирует по

1–2 вилланских держания в некоторых манорах этого обширного поместного комплекса. Данные по этому вопросу представлены в табл. № 1.

Таблица 1

Численность «последних вилланов»

Название манора	Общее число семей держателей	Число семей «последних вилланов»	% к общему числу держателей
1. Bulbridge	40	2	5,5
2. Broad Chalke	61	2	3,3
3. Dinton	45	нет	–
4. Fuggleston	36	2	5,5
5. Stanton Bernard	21	нет	–
6. West Overton	17	1	5,9
7. Wilton	82	нет	–
8. Wyaly	31	2	6,4
9. Olvediston	13	1	7,6
10. Bishopston	21	1	4,8
11. Chilmark	32	2	6,3
12. Burcombe	18	1	5,5
Итого	417	14	3,3

Как следует из табл. 1, число вилланов в манорах Пемброков, казалось бы, было совсем невелико – всего 14 семейств из 417. Для крупного манориального комплекса, каковой и составляли владения Пемброков, это действительно немного. Но не забудем, что речь идет не о XIII–XIV вв., а о веке XVI. Кстати, процентное отношение семейств «последних вилланов» в Уилтшире XVI в. (где находились указанные владения) к общему количеству держателей различных юридических категорий ненамного ниже моих же подсчетов. По данным Савина, оно составляет, правда, по всему комплексу маноров не 5–6%, а 3,3. Однако в отдельных манорах эта цифра выше (см. табл. 1). Трудно сказать, каков был состав семей этих «последних вилланов», но вообще крепостные, как известно, не женились рано и их семьи были невелики, редко более 3–4 человек. С учетом этого обстоятельства общее число вилланов (взрослых и детей, мужчин и женщин), по моим данным, могло равняться, согласно описи 1566–1567 гг., 42 (при составе семьи в три человека) или 56 (при соответствующем составе в четыре человека). Много это или мало, трудно сказать – смотря какие критерии иметь в виду. Для XVI в. и всего для 12 маноров это, по-моему, не так уж мало и указывает, по справедливому выражению А.Н. Савина, «на большую живучесть манориальной системы»⁶ (в данном случае манориальная система, безусловно, означает систему личной крепости).

Итак, в английской деревне XVI в., наряду с массой копигольдеров (их доля в общем составе крестьян составляет по Юго-Западу Англии более 70%) живут и потомки средневековых вилланов.

Развитие копигольда, как мы видим, тесно связано с упадком вилланства; однако в историографии обычно подчеркивается лишь отличие весьма многочисленного зависимого класса английского крестьянства (копигольдеров) XVI в. от более привилегированных категорий сельского населения. В частности, проводятся параллели и разделительные линии между обычными и свободными держателями (фригольдерами).

В этой связи хотелось бы поставить и попробовать разрешить следующую проблему⁷: каковы были различия юридического и социально-экономического статуса обычных держателей и «последних вилланов» XVI в.?

На первых порах складывается впечатление, что различие только одно: в текстах описей и протоколов курий обычные держатели определяются как «copyholders» или «customary tenants», а потомки крепостных крестьян – как вилланы или бондмены (иногда – «ancient copyholders» или «tenants at will»). Казалось бы, и те, и другие платят ренту, фajn, гериот, выполняют другие повинности. Значит, различие между ними только терминологическое?

Это далеко не так. С юридической точки зрения главной «пробой», которая могла быть приложена к держаниям этих статусов, являлась копия манориальных протоколов. У виллана XVI в. нет документа на ту землю, которую он держит от лорда, как не было такого документа у его прапрадеда в XIV в. Виллан XVI в. держит надел целиком «на воле лорда» (недаром в описях этого времени он иногда квалифицируется как tenant at will). Однако не надо думать, что в протоколах курий вилланы

вообще не регистрировались. Нет, конечно, запись в протокол о вступлении в держание вносилась и в XVI в., но вот только письменное свидетельство об этом «на руки» виллану, как человеку лично несвободному, не выдавалось. Вилланское держание в XVI в., как и прежде, было «одноразовым» – оно не могло (в теории) передаваться по наследству или доставаться тому лицу, на которое укажет держатель (как это, согласно обычаю, могло быть в случае копигольда); регистрация такого держания в курии все еще нередко сопровождалась соломинкой. Итак, соломинка вместо копии!

Обычный же держатель времени Тюдоров мог, в отличие от виллана, держать землю по копии, будучи лично свободным и находясь от лорда лишь в поземельной зависимости. К XVI в. сложилась и, как мы отмечали выше, стала достаточно массовой процедура отчуждения земли посредством сдачи и допуска в манориальной курии с последующей выдачей копигольдеру копии протокола, в котором делалась собственно запись о допуске к держанию. Итак, у копигольдера, в отличие от виллана, имелся пусть не подлинный, а вторичный (скопированный), но все же документ на землю, представлявший формально-юридическое основание держания. Поэтому копигольдеры, в отличие от вилланов, могли отчуждать землю, хотя и не сами, а «проводя» ее через руки лорда. В обычае отчуждения копигольдерского держания сохранялось, конечно же, много дофеодальных черт. Отчуждавший должен был приходиться в курию и сдавать землю лорду, который принимал участок и через опреде-

ленный обычаем срок (это мог быть день, неделя или месяц – в каждом маноре существовали свои традиции) передавал копию новому или (при возобновлении копии) этому же лицу. Все это не было лишь формальностью. Сдача прерывала держание, а новый хозяин, естественно, вносил за ту же землю вступной файн. Кстати, при передаче «обычной» земли в руки копигольдера в XVI в. также нередко присутствовали соломинка или прут – символы, сохранявшиеся со времен «варварских правд»; только у вилланов они *заменяют* копию, а у копигольдеров – *сопровождают* ее.

В XVI в., как и прежде, оба вида держаний (и копигольд, и «остатки» вилланства) представляли собой держания «на воле лорда». Однако копигольд выгодно отличался тем, что он был еще и держанием «по обычаю манора». Обычай манора в теории должен был защищать от проявления «злой» воли лорда прежде всего копигольдеров. Однако на практике его влияние распространялось, конечно же, и на вилланов, что сказывалось в выплате в XIV–XV вв. обеими категориями твердых, фиксированных рент и относительно постоянных файлов, которые не должны были превышать, как уже указывалось, двухгодичного дохода с земли. Но уже в XVI в. обычай защищает, по всей видимости, в большей степени копигольдеров, а не «последних вилланов». Так, представители 8 (из 14) семейств вилланов, которые живут на землях Пемброков в 60-е гг. XVI в., за идентичные участки земли платят более высокие файлы и ренты, нежели обычные держатели этих же маноров (табл. 2, 3).

Таблица 2

Ренты и файлы «последних вилланов»

Название манора	Вилланы	Площадь, акр	Рента, пенсы	Файн, фунты
1. Bulbridge	Стефан Эплфорд	45	63	4,0
2. Broad Chalke	Роберт Гров	23,5	40	2,5
3. Fuggleston	Томас Гуд	58	120	5,2
4. Wyaly	Эдуард Горнси	9,5	24	1,5
5. Chilmark	Мэри Витуайт	18	33	2,0
6. Olvediston	Агнесса Кенфик	30	56	2,04
7. Burcombe	Кристина Бейм	64	196	3,0
8. Bishopston	Томас Колмен	5	13	0,5
Всего:	8	253	545	22

Таблица 3

Ренты и файлы копигольдеров

Название манора	Копигольдеры	Площадь, акр	Рента, пенсы	Файн, фунты
1. Buldrige	Джон Вардок	43,5	36	2,5
2. Broad Chalke	Уильям Кент	25	29	2,0
3. Fuggleston	Ричард Шелби	55	90	5,0
4. Wyaly	Джон Арни	10,5	15	1,5
5. Chilmark	Роберт Голдинг	20	42	2,0
6. Olvediston	Генри Пикфорд	32,5	24	1,5
7. Burcombe	Томас Чейн	60,5	150	3,2
8. Bishopston	Джон Сандерс	5,5	9	0,2
Всего:	8	252,5	395	17,9

Кроме того, в XVI в. копигольд, в отличие от позднего вилланства, начал приобретать «двойственную юридическую природу»: не переставая быть держанием на основании манориального обычая, он, ввиду частичной рецепции этого обычая, начинает, пусть и «иллюзорно», становиться институтом общего права; в некоторых случаях обычные держатели эпохи Тюдоров добиваются охраны своих держаний со стороны королевских судов. Однако это происходило достаточно редко. Да и обычай был к концу XVI в. уже значительно деформирован «коммерциализированной» волей лорда, он складывался «к невыгоде» обычных держателей, что особенно ярко выражалось в постоянно повышавшихся в десятки раз вступительных взносах.

Однако если в XVI в. у копигольдеров как у лично свободных иски в суды общего права все же принимались (хотя не всегда рассматривались, либо рассматривались не в пользу истца – держателя), то «поздние вилланы» были лишены такой привилегии.

У нас нет или почти нет документов, свидетельствующих об обращении вилланов в суды общего права. И если в XVI в. в Англии обычные держатели выдвигали требование превращения копигольда во фригольд, то «последние вилланы» не могли даже и мечтать о том, чтобы превратиться из «подданных» лорда манора в подданных короля. Если уж копигольдеры, ведшие постоянную борьбу за землю и обычную ренту, не смогли добиться того, чтобы копигольд стал институтом общего права, то что можно сказать о «последних вилланах», когда на них ни в малейшей степени не распространялась рецепция манориального обычая?

Что же общего было все-таки в положении обычных держателей⁸ (копигольдеров) и «последних вилланов»? Это «общее» относится в основном к обязанностям той и другой групп сельского населения; сама идентичность этих обязанностей свидетельствует о наличии исторической связи между вилланством и копигольдом, о происхождении последнего, как мы помним, «из низкого, но древнего дома».

Общим было прежде всего наличие у обеих групп отработочных и натуральных повинностей. Копигольдеры Пемброков, так же, как и «последние вилланы», обязаны поставлять лорду каплунов, кур, яйца и мед, чинить моты и плотины, жать господскую ниву, косить траву на лугах лорда и даже обрабатывать своим плугом его домен. Но если этими «низкими» службами лорду были обязаны менее 20% обычных держателей в манорах Пемброков, то «последние вилланы» несут указанные повинности поголовно. Пропорция низких, «грязных», служб среди держателей этой группы несколько выше: вилланы обязаны, кроме обработки «остатков» господского домена (большая часть которого в XVI в. уже была сдана в аренду), вывозить также навоз и чистить выгребные ямы.

Далее, для обеих анализируемых групп в XVI в. были характерны относительно твердые и низкие, фиксированные обычаями данной местности годовые денежные ренты (что вообще, как нам уже известно, является главным показателем обеспеченности крестьянского держания). Наличие денежных рент в среде «последних вилланов» свидетельствует об укреплении и эволюции их социального статуса в маноре. Однако в обоих случаях степень этой обеспеченности, конечно же, понижали донельзя «взвинченные» вступные файны.

Кроме того, общей чертой в материальном положении копигольдеров и «последних вилланов» было преимущественное распространение *срочного* (а не наследственного) держания. Держателями наделов всего лишь на срок жизни (или сроки жизни) являлись 88% копигольдеров крестьянского типа в уилтширских манорах графов Пемброков (в эту группу при подсчетах были включены и вилланы). А срочный характер держаний свидетельствовал о крайней неопределенности крестьянства и был присущ, по моим наблюдениям, лицам с очень небольшими земельными наделами.

В практике поземельных отношений XVI в. встречались, кстати, случаи, когда могли закрепощать лично свободных держателей манора. Так, английский юрист и землемер А. Фицгерберт в своем трактате «Землеустройство» (1523 г.) пишет о том, что есть «много свободных, которых забирают в качестве крепостных, у которых отбирают землю и движимость, так как они не могут искать законной защиты и доказать свое законное происхождение. Так бывает чаще всего в тех случаях, когда свободные носят то же имя, что и крепостные...»⁹. Возможно, что речь идет о наиболее бесправной части обычных держателей – так называемых «срочных копигольдерах» или «ньюгольдерах», вопреки правовой теории державших копигольд на домене лорда (нередко по его же инициативе). Их права были «не старше вчерашнего дня», так как их не защищало не только общее право, но и обычай манора. Такие люди, чьи держания возникали буквально на глазах, не могли надеяться на защиту обычного права, а их имена, очевидно, могли заноситься в книги регистрации держателей в качестве имен лично несвободных. В описях Пемброков, правда, мне не приходилось встречать случаев закрепощения в недавнем прошлом свободных людей, но это не означает, что подобных случаев не могло быть в действительности английской деревни XVI века.

С другой стороны, в эпоху Тюдоров «последние вилланы», очевидно, нередко могли пользоваться теми же правами, что и обычные держатели. Так, Норден в своей рукописи «Survey of Certain Crown Manors»¹⁰ указывает на случай, когда виллан имел реверсию, т.е. право возобновления держания, что вообще-то, как

мы знаем, было привилегией держателей по копии, причем чаще при смене наследников (т.е. в случаях наследственного, привилегированного копигольда).

Зададимся далее таким вопросом: мог ли виллан XVI в., несвободный лично, держать в маноре или вне манора не вилланскую землю, а участки иного юридического статуса (скажем, фиксированные в документах курии в качестве фригольда или даже аренды)? Практика показывает, что такое случалось не так уж редко. Из 14 вилланов в манорах Пемброков шестеро держали в соседних манорах землю указанных юридических статусов. «Последние вилланы» Гластонберрийского аббатства, чьи условия держаний исследовал А.Н. Савин, также держат по несколько боват¹¹ как обычной, так и свободной земли¹².

Как и во времена Брактона, по отношению к вилланам XVI в. была приложима все та же известная формула, подчеркивавшая личную зависимость виллана от манориального лорда, которая гласила: *tenementum non mutat stum* (держание не меняет статуса). По-прежнему виллан XVI в., как и его предок XIII–XIV вв., не становился свободным или обычным держателем только потому, что он держал «свободную» или «обычную» землю. Его статус виллана был врожденным.

С копигольдерами XVI в. дело нередко обстояло по-иному. Статус держания мог в некоторых случаях менять статус держателя в маноре: если, например, обычный держатель одного манора держал в соседнем участок фригольда, он числился в курии этого последнего как свободный.

Итак, мы видим, что в реальной жизни «последних вилланов» было немало «материальных черт», роднивших их с обычными держателями (наряду с различием их юридического статуса).

Но несравненно более тяжелым должно было быть моральное состояние «последних вилланов». Свободное население манора смотрело на них пренебрежительно¹³ и считало ниже своего достоинства родниться с ними. В этом смысле при Тюдорах и Стюартах вилланам жилось гораздо хуже, чем при Плантагенетах. В XIII–XIV вв. экономическое положение вилланов, возможно, было тяжелее, но в повседневности они должны были чувствовать себя лучше. Составляя в то время основную часть деревенского населения, рядовой виллан мог считать себя «членом влиятельной местной общины и представителем самого большого класса нации»¹⁴. Соседи не могли тогда попрекнуть виллана его «рабской кровью» – они сами были крепостными. Однако в XVI в. положение «последних вилланов» в этом смысле изменилось. Они стали для общества «нежелательным напоминанием об исчезнувшем порядке вещей»¹⁵. Во времена Генриха VIII, а особенно Елизаветы бондмены старались скрыть свое крепостное происхождение и избегали встреч с составителями описей.

Вот что писал А.Н. Савин о положении «последних вилланов» XVI в.: «Принадлежать

к презираемому общественному классу трудно даже тогда, когда он очень велик; бремя презрения становится невыносимой тягостью, когда оно не облегчается сознанием, что другие разделяют те же страдания»¹⁶. Очевидно, что получение личной свободы должно было быть страстной мечтой «последних вилланов». Однако эта цель не могла быть достигнута, например, женитьбой на свободной. В подобном случае, скорее, свободная «затемняла» свой статус фактом вступления в брак с вилланом, как это было прежде, в век крестьянской несвободы.

В XVI столетии виллан мог быть отпущен на волю лишь при условии уплаты большого выкупа, так что стремление к свободе разбивалось об угрозу утраты материального благополучия. Размер этого выкупа, зафиксированный в делопроизводстве Augmentation Office (Курии прибылей), равнялся одной трети всей движимости и недвижимости вилланов¹⁷. Это делает понятным обилие отпусков в XVI в.: особенно часто это явление наблюдалось на коронных землях. Освобождение «последних вилланов» было выгодной политикой.

Так, 7 января 1575 г. королева Елизавета обратилась с открытым письмом к сэру Генри Ли. В этом письме он назначался комиссаром по герцогству Ланкастерскому (коронные земли) с правом разыскивать «последних вилланов» и принудительно отпустить на волю 200 человек из их числа. Через полгода этот достойный человек получил от королевы второй патент, дававший ему право разыскать и отпустить на волю еще 100 вилланов¹⁸. Указанные цифры, кстати, свидетельствуют о значительном количестве «последних вилланов» среди сельского населения Англии XVI в.

Но совпадала ли политика правительства, направленная на освобождение вилланов, со стремлением к подобному действию хозяев этих крепостных, которые в первую очередь, вроде бы, должны были стремиться наложить руки на имущество бондов?

Рабочая сила этих последних представителей системы былого рабства была, может, почти и не нужна, но из них еще вполне можно было выжать некоторое количество денег. Ведь «последние вилланы», как пишет А.Н. Савин, нередко были очень зажиточными, могли держать до 10 виргат земли; 1/3 имущества таких крестьян оценивалась в 60–100 фунтов! Они и впрямь были весьма зажиточны – наши исследования также свидетельствуют об этом все еще малообъяснимом факте. В этом смысле можно сослаться на мое исследование манора Россендейл начала XVII в., который входил в поместный комплекс Рочдейл на Северо-Западе Англии. В этом маноре удалось обнаружить целую колонию «последних вилланов», вполне зажиточных, чьи условия держаний характеризуются, в частности, очень низкими рентами и файнами и основательными земельными участками¹⁹.

Вполне понятно, что манориальные лорды, особенно те из них, которые вели коммерче-

ски поставленное хозяйство, часто не хотели продавать зажиточным вилланам отпускных грамот, требуя от них завышенные фэйны, меркеты, герियोты и другие платежи и зачастую предпочитая именно эту политику процессу перевода бондменов на аренду (ведь аренда с ее полуфеодальными и даже краткими сроками не всегда была более выгодной по сравнению с политикой «выжимания» денег с материально обеспеченных «последних вилланов»). Еще

менее манориальные лорды стремились предоставлять короне возможность принудительно отпускать своих вилланов на волю, поскольку не хотели терять перспективы длительного или одномоментного обогащения.

Каков же был имущественный облик «последних вилланов» в манорах Пемброков в Уилтшире? Какова была судьба этих вилланов? Для того чтобы ответить на первый из этих вопросов, обратимся к табл. 4.

Таблица 4

Имущественный облик «последних вилланов»

Название манора	Имя держателя	Площадь участка, акр	Рента, шиллинги, пенсы	Файн, фунты, шиллинги
1. Bulbridge	Стефан Эплфорд Ричард Годвин	45 32	6s.3d. 4s.	4£ 2£
2. Broad Chalke	Роберт Гров Ричард Пейн	23,5 19	3s.4d. 3s.	2,5£ 1,5£
3. Fuggleston	Томас Гуд Даниэль Сэнд	58 10	10s. 2s.	5£2s. 15s.
4. West Overton	Марта Бишоп	8	1s.10d.	1£
5. Wylve	Эдуард Горнси Кристина Пеготт	9,5 13	2s. 2s.6d.	1,5£ 1,8£
6. Olvediston	Агнесса Кенфик	30	4s.8d.	2£ 0,4s.
7. Bishopston	Томас Колмен	5	1s.	3s.
8. Chilmark	Мэри Витуайт Уильям Джонс	18 3	2s.9d. 0,5s.	2£ 1,5s.
9. Burcombe	Кристина Беймен	64	18s.	3£
Итого	14	338	61s.	23£ 47s.

Мы видим, что в числе «последних вилланов» во владениях этих графов не было чрезмерно зажиточных крепостных. Площадь трех наиболее крупных держаний равнялась 45, 58 и 64 акр. (в целом – 167) и составляла около 50% всей вилланской земли. Три малоземельных бондмена из 14 держали 4,7%.

Остальная земля (155 акр., или приблизительно 54%) находилась в руках того самого «среднего класса» вилланов, о которых А.Н. Савин писал как о крестьянах, вроде бы получивших свободу в конце XIV – начале XV века. По сравнению с целом рядом копигольдеров и даже свободных держателей в этих же манорах держания вилланов отличались явной стабильностью.

Как мы видим, в «порах» маноров юго-западной Англии все еще сохранялись следы былой несвободы именно в среде земледельческого крестьянского ядра. Это происходило, казалось бы, вопреки общей тенденции, которая, по свидетельству А.Н. Савина, специально занимавшегося этим вопросом, проявлялась в XVI в. в стране в целом. Она, по его мнению, была связана с консервацией в поместьях зажиточных и сверхзажиточных вилланов. Савин, в частности, приводит в пример одну исключительно богатую семью, целиком состоявшую из крепостных и уже во второй половине XV в. сосредоточившую в одном

из маноров значительное движимое и недвижимое имущество. Это достаточно хорошо известные Гензы, крупные мануфактуристы, чье имущество еще в 1435 г. оценивалось в 3000 марок²⁰.

Думается, что наличие в Уилтшире в 60-е гг. XVI в. вилланов-полувиригариев является во многом отражением специфики этого региона по сравнению с другими областями Англии – спецификой, связанной с малоподвижностью и традиционностью аграрных структур Юго-Запада. Так, наряду со сдачей домениальной земли в аренду, графы Пемброки сохраняли и барскую запашку (о чем свидетельствует уже факт наличия большого количества обработок в среде «последних вилланов» и части обычных держателей). Очевидно, манориальные лорды предпочитали постоянный и устойчивый доход, который приносила обрабатываемая вилланами-средняками земля, незначительному и «одномоментному» пополнению своего кошелька, которое могло бы последовать в результате выплаты этими вилланами 1/3 части их имущества, весьма незатейливого. Графы Пемброки и без того преуспели в коммерциализации своих поместий: они, как мы видели, превращали в аренду не только копигольд, но (с нарушением правовых норм) и фригольд, взвинчивали фэйны, «запускали» пашню под пастбище, изменяли условия держаний в невыгодную для крестьян сторону

и т.д. Думаю, с учетом этого обстоятельства, что они не слишком нуждались в пополнении доходной части своего бюджета за счет незначительных поступлений с «последних вилланов».

В этих манорах, кроме того, была значительной прослойка зажиточной копигольдерской аристократии (держателей участков типа мелких вотчин, площадь которых превышала 150 акров и достигала подчас 500–600 акров). Таковых в манорах Пемброков в XVI в. насчитывалось около 14%; они сосредоточили в своих руках примерно 34% площади обычного держания. Похоже, что именно эта прослойка в значительной мере удовлетворяла растущие запросы лордов в их стремлении к повышению доходности поместий – более чем потенциальный денежный вклад в манориальный бюджет от отпуска на волю «последних вилланов».

Некоторые данные о «последних вилланах» мы можем почерпнуть также из описей маноров Уалсден и Россендейл (упомянут выше) поместья Рочдейл в Ланкашире, которые фиксируют их наличие даже и для более позднего времени, а именно для первой четверти XVII столетия²¹.

Итак, мы видим, что анализ положения «последних вилланов» в Англии XVI столетия вносит определенные коррективы в наше понимание аграрной специфики этой страны в период генезиса капитализма и способствует несколько иному, отличному от традиционного, взгляду на проблему соотношения различных юридических категорий английского крестьянства в канун революции.

Примечания

¹ Вопрос о «последнем вилланстве» изложен также в моей монографии об английском маноре. См.: *Ви-*

нокурова М.В. Мир английского манора. М., 2004, С. 217–228.

² *Савин А.Н.* Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903. С. 46.

³ Там же. С. 7.

⁴ Там же. С. 19.

⁵ См.: *Survey of the Lands of William the First Earl of Pembroke, 1566–67 / Ed. by Ch. Straton.* Oxford, 1909.

⁶ *Савин А.Н.* Указ. соч. С. 19.

⁷ См. также: *Винокурова М.В.* Кто такие «последние вилланы» в Англии XVI века? // *Средние века.* М., 2001. Вып. 62. С. 84–95.

⁸ Здесь мы, не вдаваясь в тонкости терминологии манориального права, ставим знак равенства между обычными держателями и копигольдерами (собственно, в историографической практике эти понятия традиционно считаются практически идентичными).

⁹ *Савин А.Н.* Указ. соч. С. 6.

¹⁰ Там же. С. 17.

¹¹ Бовата составляла примерно 15 акров.

¹² См.: *Савин А.Н.* Указ. соч. С. 47–52.

¹³ Там же. С. 40–52.

¹⁴ Там же. С. 43.

¹⁵ Там же. С. 43, 44.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 46.

¹⁸ Там же. С. 46 и след.

¹⁹ См.: *Винокурова М.В.* Мир английского манора... С. 289–345.

²⁰ Там же. С. 55–57.

²¹ См.: *The Survey of the Manor of Rochdale in the County of Lancaster, Parcel of the Possessions of the Worshipful Sir Robert Heath, Knt., His Majestys Attorney General, made in 1626 / Ed. by H. Fishick.* Manchester, 1913.

УДК 950

ВЛАСТЬ В ВОСТОЧНОМ ГОРОДЕ В ВОСПРИЯТИИ АНГЛИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII ВЕКА

О.В. Королева

Саратовский государственный университет,
кафедра туризма и культурного наследия
E-mail: korolevaov@mail.ru

В статье исследуется проблема складывания представлений английских путешественников о властных отношениях в восточных городах в конце XVI – первой трети XVII века. Для реализации своих интенций европейцы нуждались в других культурных ареалах. Восточные города в их восприятии были местом концентрации государственной «бюрократической» власти, представленной наместниками верховного правителя, и где отсутствовали какие-либо намеки на автономию, не говоря уже о каких-то правах горожан. Путешественники

предпочитали писать о деспотичной форме правления, отсутствии свободы, безопасности и частной собственности, что позволяло европейцам в раннее Новое время заявить о своем превосходстве над мощными и внушительными неевропейскими цивилизациями.

Ключевые слова: образ власти, образ Другого, восточные правители глазами английских путешественников, восточный город, путешествия англичан в раннее Новое время, записки английских путешественников, диалог культур.

